

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Вприпрыжку
за смертью*

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

ЕВГЕНИЯ
ХОТНИКОВА

Марина Сергеевна Серова
Вприпрыжку за смертью
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166884
Вприпрыжку за смертью: Эксмо; М.; 2005
ISBN 5-04-002579-3

Аннотация

Евгения Охотникова случайно оказывается свидетельницей взрыва, в пламени которого погиб бизнесмен – миллионер. А через несколько часов случай сводит ее с сыном и дочерью убитого. Но в каждой случайности есть своя закономерность... И вот уже Женя находится вгущу событий. После смерти отца осталось огромное наследство, и теперь детям грозит опасность: на сына уже было совершено покушение, а дочь тоже балансирует на грани жизни и смерти – через неделю ей исполнится восемнадцать, и тогда вступит в силу завещание...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Марина Серова

Вприпрыжку за смертью

Глава 1

День рождения моей тетушки Людмилы – в просторечии Милы – приходится на седьмое ноября. Красный день календаря, который раньше был праздником революции, а с недавних пор – днем национального примирения, для меня был дважды красным. Какой бы смысл очередной государственный строй ни вкладывал в эту дату, она оставалась для меня прежде всего – Днем рождения тетушки.

И вот я носилась как угорелая по городу в поисках подарка. Что именно подарить своей тетушке, я прекрасно знала, но требовалась конкретизация.

Дело в том, что моей тетей владеет пагубная страсть к чтению детективных романов, к которым она приохотилась еще во время работы в юридическом институте, а уж уйдя на пенсию, получила возможность отдаться этой своей страсти целиком и полностью.

Одна повесть (или маленький роман) за вечер – вот ее норма.

И в отличие от прочих разновидностей наркоманов (а ведь чтение – тоже своего рода наркотик, правда ведь?) организм

тетушки не требует увеличения дозы. Не знаю, как будет дальше, но последние полтора года Мила четко держалась в этих рамках.

Это то, что касается положительной стороны пристрастия, сравнительно, скажем, с алкоголем или героином. Но есть и другая сторона.

Водка и кайф не меняются. Очень трудно представить себе алкоголика, который ставил бы задачу ежедневно «открывать для себя» новый сорт крепких напитков. Ему не нужна новизна, человек, зависимый от алкоголя, требует лишь повторения уже известного, хочет еще раз попасть в то состояние, которое от степени его деградации диктует организм.

Совсем другое дело – читатель детективов. Он так устроен, что ему подавай именно его и ничего иного! Упаси боже встретить читанный роман под другим названием в другом переводе – день пропал даром, жизнь не удалась, все летит в тартарары!

А с памятью, господа, у этой публики ой как хорошо! Хотя, конечно же, идеальным читателем детективов был бы именно склеротик.

Но моей тете, слава богу, такое заболевание не грозит, она отличается феноменальной памятью с самого раннего возраста. И думаю, что я унаследовала это качество именно от нее.

Не побоюсь фривольного сравнения: она открывает новый томик с таким же предвкушением наслаждения, как ка-

кой-нибудь восточный султан мог требовать себе ежедневно очередную девственницу.

И вот теперь передо мной стояла непосильная задача – купить для тети книгу.

Думаете, это так просто? Конечно, если вы открываете «кирпич» в глянцевой обложке, «покет» с золотым тиснением время от времени. Но если это проделывать ежедневно, причем в течение нескольких лет, то рано или поздно возникнут проблемы.

И скажите мне на милость, что я могла найти на лотках новенького?

Мы же ведь не в Москве, а всего-навсего в одном из восьмидесяти девяти (если продолжать считать вместе с Чечней) субъектов Федерации, хоть и в областном центре с почти миллионным населением.

А моя тетушка, несмотря на ее возраст, проявляет известную прыть для обеспечения себя любимым чтением – помимо банальных инспекций лотков для покупки новинок, она еще и выписывает детективы по «Книге – почтой». Более того – созванивается с издательствами и оплачивает целые серии. А в последнее время даже бегаёт к соседям, компьютер которых подключен к Интернету, и заказывает книги, используя самые последние данные с оптовых складов! Ну и как тут подобрать подарок?!

К моей чести, я вышла из этого затруднительного положения.

Каким образом, спросите вы? Решение пришло не сразу. Но я все же, изрядно поломав голову, поняла: чем гоняться за новинками, лучше отыскать что-то старое, но, так сказать, не охваченное тетей Милой.

Я пошла к знакомому, который раньше, еще в старые, но недобрые советские времена промышлял самиздатом. Да-да, ведь в машинописных копиях ходили не только Солженицын с Набоковым!

Рынок самиздата был очень велик и охватывал собой практически все жанры – от художественной литературы до научно-популярной. Ведь и Карнеги, и Судзуки, и Флеминга те, кто исхитрился, прочли именно в самиздате! Разумеется, на этом рынке были представлены и детективы. Мой знакомый, выслушав просьбу, долго рылся в своих сундуках и наконец извлек несколько пыльных папок.

После беглого просмотра мы остановились на раннем Эджвуде. Не бог весть что, как вы понимаете, но для меня в данном случае была важна фактура.

«Как хорошо, что моя тетушка увлеклась детективами уже в солидном возрасте! – думала я, любовно поглаживая папку с полуслепой машинописью, которая лежала у меня в пакете. – Иначе она прочла бы и весь детективный самиздат. А теперь моя совесть чиста!»

Да, но что я буду делать в следующем году? Не писать же самой детективный роман? Ведь тогда мне придется садиться за машинку уже сегодня!

Роман... Я снисходительно улыбнулась. Как бы ни изощрялись писатели, придумывая все новые и новые повороты сюжета, жизнь всегда даст им сто очков вперед. Она гораздо более непредсказуема, хотя и не укладывается в четкие жанровые рамки.

Я порядком утомилась – не столько поисками и находкой, сколько своими размышлениями. Погода стояла какая-то гнетущая, собиралась гроза, дышать было трудно, и атмосфера сгушалась. Вот-вот пойдет дождь.

Решив немного перекусить и выпить кофе, я направилась к ближайшему кафе, которое нашарила взглядом на противоположной стороне улицы.

Непритязательное название «Ромашка» меня слегка умилило. Кафешку – явно бывшую столовую – еще не успели как следует отремонтировать, серый кирпичный квадрат, в котором размещались кухня и мойка, лишь оброс стеклянной пристройкой, где народ вкушал пищу.

Впрочем, внутрь мне попасть не удалось. Оно, конечно, и к лучшему, как и все, что с нами случается. Но обычно мы узнаем об этом потом.

Так получилось и на этот раз. Едва я подошла к двери, как меня остановил жлобского вида мужик, переминавшийся на пороге.

– Сюда нельзя, – проговорил он, загораживая мне рукой вход.

– Это еще почему? – поинтересовалась я. – Можно узнать

причину?

– Нет.

Я пожала плечами и немного отошла в сторону. Любопытства ради прильнула к стеклу и посмотрела, что там творится внутри, благо розовая штора на одном из окон была не задернута.

Никого и ничего.

– По-моему, сейчас в кафе нет наплыва посетителей, – проговорила я.

Мужик на входе поиграл желваками, но решил не вступать со мной в дискуссию.

– Учет-переучет? Банкет или поминки? – не унималась я, обращаясь к охраннику.

– Вали отсюда, – настойчиво цедил он сквозь зубы. – И как можно быстрее.

– Что, так трудно объяснить? – начала я раздражаться. – И, кстати, если вы работник службы безопасности этого непрезентабельного заведения, то где ваш бейджик с фото и фамилией?

– Мать твою за ногу, – отдельно проговорил охранник, – я тебя сейчас...

Что именно собирался со мной сделать неприступный страж кафе «Ромашка», я так и не узнала. Хотя – и надо обязательно это отметить – я позволяла ему с собой так разговаривать только по доброте душевной. Будь я в ином настроении, он бы валялся сейчас на пороге с двумя сломанными

ногами (и это в лучшем случае), а я мирно пила бы свой кофе. В каком-нибудь другом кафе, разумеется.

Но судьба распорядилась иначе. Не успел охранник закончить свою фразу, как у «Ромашки» притормозил двести тридцатый «Мерседес» с эллипсоидными фарами – как раз такая модель, на которой разбилась принцесса Диана в парижском тоннеле.

Хлопнула дверца, и из машины вылез представительный господин лет пятидесяти с озабоченным выражением на холемом лице.

Он одернул пиджак и, еще больше нахмурившись, направился к кафе. Ему охранник позволил войти беспрепятственно, но потом сразу же загородил вход – уже не рукой, а своим массивным туловищем.

«А чего это я тут стою? – подумала я. – Тебе это все надо, Женя Охотникова?»

Зачем терять время и пререкаться с этим малосимпатичным коллегой? Не отправиться ли тебе куда-нибудь еще, пока охранник без бейджика не конкретизировал направление твоего движения на великом и могучем?

Да-да, я не оговорила, именно «коллега». Впрочем, узнай он об этом – не поверил бы, пока я действительно не переломала бы его конечности. Бодигард-женщина – к такому у нас еще не привыкли, хотя пора уже. Впрочем, моя специальность гораздо шире, но лицензия выписана именно на этот род деятельности.

Итак, я решила отправиться восвояси, повернулась и сделала несколько шагов по щербатой асфальтовой дорожке. Я прошла от силы метров пятьдесят, как за моей спиной раздался взрыв.

Как только до моих ушей донеслись первые звуки, я мгновенно отпрыгнула вбок и прокатилась по траве за огромный ствол дуба.

Так же быстро перевернувшись на спину, я еще успела увидеть, как по воздуху летят осколки стекла, железные панели и пластмассовая мебель.

Среди искореженных предметов были, само собой, и останки того, что раньше ходило, дышало, смотрело и даже хамило незнакомым женщинам – рядом со мной приземлилась обгоревшая манжета охранника.

Значит, заключила я, погиб и тот человек, который вошел внутрь здания.

«Прав был парторг! – мелькнула у меня в голове столь неподходящая для трагической ситуации легкомысленная фраза. – Не надо было мне туда заходить! Как, однако, мудро подчас распоряжается судьба!»

А фраза эта была из старого советского анекдота, который мне в свое время настолько понравился, что я употребляла ее по отношению ко многим возникающим в моей жизни ситуациям.

Анекдот был такой: парторг завода съездил за границу, допустим в Париж. По возвращении на родной завод его об-

ступают в курилке работяги и начинают выспрашивать, видел ли он стриптиз.

Это сейчас, господа, подобное зрелище чуть ли не в каждом ночном клубе, а для домоседов – по телевизору за полночь. А вот раньше... Впрочем, что там объяснять, вы и так все прекрасно помните.

– Видел, – признается парторг, которого так и подмывает рассказать.

– Ну и что же это такое? – проявляют естественный интерес рабочие.

– Садись за столик, – начинает свой рассказ парторг, – тебе коньячок приносят, ананасы на закуску, ты сидишь, ешь-пьешь в свое удовольствие, а перед тобой на сцене женщина раздевается.

Тут парторг ужасается, – да что ж это я говорю! Я же идеологический работник! – и строгим тоном заканчивает свой рассказ:

– Какая гадость!

Хмурый рабочий приходит домой, требует, чтобы его дородная женушка налила ему стакан водки, дала соленый огурец и разделась бы перед ним. Та, поломавшись, соглашается. Работяга выпил залпом водку, схрумкал огурец. Сидит и смотрит на свою жену.

– Прав был парторг, – говорит он наконец. – Какая гадость!

...Я встала на ноги, отряхнула юбку, подобрала отлетев-

ший в сторону пакет со столь дорогой для меня машинописью. Опершись о ствол дерева, я чуть поранила руку – осколки долетели даже до моего укрытия и впились острыми иглами в кору дуба.

– Однако! – покачала я головой, вынимая из ладони крохотный кусочек стекла. – Еще бы немного, и наблюдать бы мне сейчас за происходящим откуда-нибудь сверху, в бестелесном состоянии.

Я вернулась к месту происшествия. Кругом уже суетился народ. Люди, выскочившие из машины, отчаянно кричали что-то в свои мобильники, беспомощно глядя на развалины стеклянной пристройки. А из каменного блока высыпали работники «Ромашки».

Это были преимущественно женщины, одетые в разнообразную униформу – повара в белом, посудомойки – в синем, мелькали черные халаты уборщиц.

Когда неизбежный приступ паники благополучно миновал, – кстати сказать, взрывной волной задело нескольких прохожих, одна дама сидела прямо на земле, крепко прижав к груди сумочку, и мотала головой, а другая истошно вопила: «Скорая! Полиция!» – обслуга сгрудилась на некотором расстоянии от развалин и оживленно принялась обсуждать друг с другом небывалое происшествие.

Наиболее активные и любопытные работницы отбились от толпы, рассредоточились по округе и смешались со взвинченными людьми из «Мерседеса». Очевидно, кое-какая ин-

формация дошла до их ушей, потому что вскоре по кучкам сгруппировавшихся людей пронесся шепот:

– Головатова убили!

Когда эта информация достигла стоявших немного поодаль двух молоденьких девушек в синей униформе, одна из них – некрасивая шатенка болезненного вида – поднесла руку ко рту, как будто хотела сдержать крик, а потом стала медленно оседать на землю.

К ней тут же ринулись коллеги, но, убедившись, что это всего лишь банальный обморок, мгновенно потеряли к ней интерес. Только стоявшая возле нее подружка приподняла ее под руки – посудомойка оказалась физически сильной – и оттащила внутрь хозяйственного блока.

Вскоре подъехали милиция и «Скорая помощь», которых так истошно выкрикала женщина из толпы. Она орала столь пронзительно и упорно, что могло показаться, будто службы ноль-два и ноль-три услышали крики на расстоянии и примчались на ее зов.

Толпу аккуратно рассредоточили, и милиция начала свою работу.

– Дело рук профессионала, – услышала я фразу, с которой обратился один из работников органов к своему коллеге возле автомобиля с мигалкой.

Я решила, что мне нет смысла больше здесь оставаться. Давать свидетельские показания, в общем-то, было не о чем, – люди в машине видели то же самое, что и я, а опоз-

дать на день рождения к любимой тете мне бы очень не хотелось. Тем более что у нас был и заказан на вечер столик в ресторане.

Мой подарок пришелся тетушке по сердцу, она расцеловала меня, и мы принялись готовиться к походу в «Волжский Метрополь».

Несмотря на вычурное название, недавно открывшийся в центре города ресторан был приличным, кормили там неплохо, а публика была вполне респектабельной. Впрочем, как показали события, в последнем пункте мои сведения немного устарели...

– А что у тебя с рукой? – спросила тетя Мила, заметив кровь на моей ладони.

– Так, порезалась, – сказала я правду, умолчав о причине ранения.

Мне не хотелось портить тетушке праздничное настроение, и я решила рассказать ей о взрыве, свидетельницей которого мне довелось сегодня стать, как-нибудь в другой раз, когда подвернется удобный случай.

– Срочно прижги йодом! – озабоченно покачала головой тетушка и тут же переключила внимание на телефонную трубку – она уже с полчаса принимала поздравления от бывших учеников, и аппарат звонил каждые пять минут.

Наконец все приготовления были завершены. Платье выглажено, прическа уложена, брошка приколоты – тетя Мила взяла меня под руку, и мы отправились в ресторан на моем

малолитражном «Фольксвагене».

Нас разместили за столиком возле искусственной пальмы напротив оркестра. Меню было тщательно изучено, и нелегкий выбор – предлагалось шестнадцать видов салатов, двадцать первых и двадцать пять вторых блюд, не говоря уже о десерте, – был сделан в пользу стейков с овощным салатом и баварских пирожных.

Все было бы замечательно, если бы не компания за соседним столиком.

Знала бы я, что так случится, – ни за что бы не повела тетю Милу в «Волжский Метрополь». Но я просто не могла себе представить, что приличный ресторан, где я была всего месяц назад, за это время успеет изрядно снизить планку и контроль на входе.

Сидевшая неподалеку от нас шумная компания веселилась как могла: громко и довольно грубо.

Я сразу заметила, что с этим весельем что-то не так. Даже если вычесть из этого впечатления своего рода «русский надрыв», да еще в блатной компании, – все равно в воздухе чувствовалось какое-то странное веяние обреченности. Как будто люди веселятся только для того, чтобы не забиться в истерику.

Впрочем, это касалось не всех сидящих за соседним столиком. То, что я смогла для себя определить, относилось к главному персонажу – человеку лет двадцати шести с золотой цепью на шее, которая выглядывала из-за ворота расстег-

нутой рубашки.

Он то чересчур громко смеялся, то сыпал бранью, пытался рассказывать какие-то анекдоты, которые тотчас же забывал и умолкал в оцепенении. Потом снова приходил в себя и становился еще более шумным.

Все это, само собой, было сдобрено огромным количеством алкоголя, который едва успевал подносить уже чужавший недоброе официант.

– Это сын Головатова, которого сегодня убили, – расслышала я шепот бармена, кивавшего метрдотелю как раз в направлении стола, стоявшего рядом с нашим. – То ли горе заливает, то ли еще что. В общем, скандал будет, задницей чую.

Половина хорошо прожаренного стейка была съедена. Тетушка Мила была вполне довольна вечером, но уже и она, при всей ее терпимости к окружающим, начинала недовольно коситься через плечо.

А разгульное веселье между тем у наших соседей шло по нарастающей. Казалось, еще чуть-чуть, и что-то непременно должно произойти.

– Официант! – раздался крик, сопровождавшийся ударом кулака по столу. – Еще водки! Немедленно! И шампанского для Илонки!

– Марочного! – понесся вдогонку официанту визгливый женский голос. – И чтоб с черной этикеткой! Ах, Пашенька, да не грусти ты! Все, что ни делается, все к лучшему! Сего-

дня будем пить, а там посмотрим!

Паша мрачно посмотрел на нее, хмыкнул, но возражать не стал. Его подруга между тем не унималась:

– Ты думаешь, что я совсем бессердечная, да? Не-ет, милый, я очень даже хорошо все понимаю! – с вызовом говорила она. – Просто у меня такая философия!

– Что? – с трудом переспросил Паша.

– Философия! Древняя, между прочим. «Лови момент» называется! Так вот, Паша, это твой день! Несмотря ни на что! – провозгласила Илона.

– Удобная философия, – огрызнулся Паша. – Пей лучше, а не болтай, мне от твоих слов совсем тошно!

Я отметила, что Пашина подруга явно косила под Кейт Уинслет в «Титанике», – такая же прическа, мимика, косметика.

Но это был как раз тот случай, когда довольно приятная наружность никак не может сочетаться с откровенной вульгарностью. Так что все сходство с кинозвездой заканчивалось, когда Илонка открывала рот и начинала нести какую-нибудь околесицу.

– Что-то здесь шумно, – виновато улыбнулась тетя Мила, посмотрев на меня.

Можно было подумать, что это моя тетушка виновата в происходящем! Кстати сказать, типичная позиция для пожилых интеллигентных людей – они до сих пор думают, что на них лежит ответственность за моральный климат в обще-

стве, а насчет молодежи – укоряют себя, что плохо воспитали ее в свое время. Позиция чересчур уж гуманная, но, думается, неверная в принципе.

– Самое занятное, что это импровизированные поминки, – сказала я, обращаясь к тетушке. Мои слова, хотя я говорила достаточно внятно, были едва слышны, так как перекрывались взрывами хохота наших соседей.

– Поминки? – несказанно удивилась тетя Мила. – Да не может быть!

– Я краем уха слышала, что убит некто Головатов, а за соседним столиком сидит его сын, – пояснила я тетушке. – Выходит, что поминки.

– Головатов! – ахнула тетя Мила и прижала ко рту ладонь с платком, словно хотела подавить крик. – Господи, да неужели тот самый?

– Тот самый? – переспросила я заинтересованно. – Вы знакомы с этим человеком?

– Ну... я не знаю точно, о ком ты говоришь, – осторожно ответила тетя Мила.

– Такой представительный, лет пятидесяти. Седоватые брови, статный... – припоминала я черты человека, который вошел в кафе «Ромашка» и больше оттуда не вышел. – Очень хорошо одет.

– Похоже, конечно, – неуверенно произнесла тетя Мила. – Был у меня такой знакомый. Вернее, он у меня учился давным-давно, умница был невероятный. Знаешь, ведь

даже среди студентов юридического светлые головы – большая редкость. Вот... Потом был юрисконсульт на здешнем оборонном предприятии, затем подался куда-то по партийной линии. А в последнее время занялся бизнесом и очень в этом преуспел.

– Так вы встречались и после учебы? – уточнила я. – Поддерживали отношения?

– Не то чтобы дружили, но виделись довольно часто, – кивнула тетя. – Он ведь даже как-то ко мне с дочкой приходил.

Мила вздохнула и осушила бокал шампанского. Задумчиво повертев сосуд на тонкой ножке, она добавила, грустно посмотрев на меня:

– Я ведь его помню еще совсем зеленым юнцом. А тут он с дочкой приходит... Знаешь, человек начинает замечать, что он старится, когда видит детей своих учеников, есть такая закономерность.

Я молча слушала тетю Милу, которая предавалась невольным воспоминаниям.

– Ну, что еще можно сказать, – продолжала она. – Последний раз я видела его именно тогда, лет восемь-десять назад. Потом Головатову уже было не до визитов – бизнес ведь всегда жрет много времени.

Между тем шумная компания снова потребовала водки. Официанта они теперь звали хором, стараясь перекрычать друг друга.

– Но, надо сказать, Ваня – теперь, конечно же, Иван Семенович – каждый мой день рождения звонил, и мы минуту-другую беседовали по телефону, – заметила тетя Мила. – А сегодня он мне не позвонил.

«И теперь не позвонит больше никогда», – с горечью продолжила я про себя ее фразу.

Тетя Мила немного отвлеклась от грустных мыслей о дне сегодняшнем, погрузившись в дела давно минувших дней. Она стала вспоминать о Головатове и по ходу дела рассказала мне потрясающую историю:

– Знаешь, ведь у него вторая жена попала в ту самую передрагу с самолетом. Помнишь, в начале восьмидесятых, когда по городу ходили слухи?

– Тетушка, дорогая, – я чуть тронула Милу за плечо, возвращая ее к реальности, – как же я могу это помнить? Я ведь жила в то время во Владивостоке! Через всю Россию такие сведения доходили только по «Голосу Америки». А мой папа не мог по чину слушать западное радио – среди генералитета это не поощрялось!

– Ну да, конечно, – кивнула тетя Мила. – Просто мне кажется, что ты живешь здесь целую вечность, а на самом деле – даже двух лет не будет.

Действительно, мы очень хорошо уживались с Милой. После того как я вынуждена была уйти из разведшколы (в процессе обучения начали вторгаться жесткие политические мотивы, которые подверстывались начальством под ту или

иную фигуру во властном раскладе, а интересы государства отошли на второй план), путь домой мне был заказан. Я не могла простить отцу его женитьбу после смерти матери. Может быть, я была к нему излишне строга, как я сейчас думаю, но тогда я просто не видела себя в той, прежней жизни. И если бы не тетушка Мила, пригласившая меня к себе, кто знает, как сложилась бы моя судьба!

– В советское время терроризм был из ряда вон выходящим явлением, – напомнила я тетушке заинтересовавшую меня тему.

– Конечно, дорогая моя... Господи, да что же они так орут? Ну да ладно, пусть веселятся как умеют... Так вот, история та была довольно скверная, о ней и в перестройку писали как-то вскользь.

– А что произошло?

– Какие-то негодяи захватили самолет, – объяснила тетя Мила. – Уж и не знаю, как они разрабатывали план угона, но захватчики повели себя довольно непрофессионально. Когда стало ясно, что их затея провалилась, они стали убивать заложников. Среди них была и супруга Вани Головатова. Жуткая история, солнышко!

Компания по соседству окончательно освинела. Один из братков, напившийся вдрызг, подставил ножку официанту, который спешил по проходу с подносом.

Официант, разумеется, бухнулся оземь и не удержал в руках поднос со всем содержимым. Дорогой ковер был заляпан

соусом, тушки перепелов разлетелись по полу, раздался звон стеклянных графинов, и в воздухе резко запахло пролитой водкой.

Илона стала хлопать в ладоши, запрокинула голову и зашла в приступе хохота, а Головатов-младший сморщился и, достав из кармана стодолларовую купюру, протянул ее соседу по столу, чтобы тот урегулировал конфликт. Но тот воспринял пожелание более чем своеобразно и ловко засунул ее в рот красному как рак официанту.

– По-моему, нам уже пора, – со вздохом сказала тетя Мила, наблюдая эту безобразную сцену. – Тем более что с десертом мы уже закончили.

– Идемте, тетушка, – согласилась я. – Пирожные были замечательные. А вторую порцию кофе не будем дожидаться – можем выпить его и дома.

Мы расплатились по счету и направились по проходу к тяжелой занавеси, отделявшей зал от холла. За нашей спиной тем временем уже вовсю шла «разборка» – вежливый, но строгий работник службы безопасности о чем-то беседовал с подгулявшей компанией.

На улице было прохладно, но не слишком, и мы с тетушкой не торопясь шли к стоянке, где был припаркован мой автомобиль. В воздухе пахло горелой листвой, деревья едва шевелили голыми ветками, дышалось легко и свободно.

– Знаешь, Женечка, – сказала тетя, на ходу загребая ногой листья, устилавшие тротуар, – а ведь раньше мы действи-

тельно думали, что можно перевоспитать человеческую природу...

Я не успела ответить. Да и что я могла бы сказать Миле? Что никакими теориями, спущенными сверху, – ни национально ориентированными, ни коммунистическими, нельзя исправить природу человека, что...

– А-а-а!.. Помогите! – раздался дикий визг со стоянки. – Не надо-о-о-о... Пустите же меня! Да помогите же кто-нибудь!..

Вот тебе и человеческая природа. В ресторане сидишь – свинство, на улицу выйдешь – обижают кого-то. И не прогуляешься просто так...

Подойдя поближе, мы оказались свидетелями следующей сцены: какой-то тип, шумно пыхтевший возле «Рено», пытался запихнуть в салон автомобиля орущую девушку, которая упорно сопротивлялась.

– Как вам не стыдно! Что вы себе позволяете! – накинулась на него тетушка.

– Отвали, – устало посоветовал мужик, – идешь себе – и иди!

– Позвольте, – решительно произнесла тетя Мила, – так нельзя. Я сейчас милицию вызову. Но сначала номер вашей колымаги запишу.

Мужик ослабил хватку и с ироническим интересом посмотрел на нас. Почуявшая чуть-чуть свободу девица принялась орать еще пуще.

Ситуация, конечно, не фонтан. Я в отличие от тетушки встречать не была настроена – опыт научил меня не доверять с ходу ничему.

Наш рассудок и наши эмоции работают по инерции, они приучены «прочитывать» ситуацию в наиболее привычном для нас ключе. А кто знает, что происходит на самом деле?

Сколько раз на подобные шаблоны сознания ловились люди, становясь жертвой мошенников! А ведь этот контингент «бьет» именно на инерционные точки нашего рассудка – и извлекает из этого прибыль!

Конечно, как-то нужно было вмешаться, во всяком случае – обозначить свое присутствие. Наличие свидетелей может охладить пыл любого злоумышленника, особенно если он знает, что номер его тачки зафиксирован. Но тетушке этого было мало, и она, как истинный юрист, хотела разобраться во всех деталях.

Но то ли ситуация действительно была не столь однозначной, как могло показаться на первый взгляд, то ли владелец «Рено» был чересчур наглым – он отнюдь не прекратил своих попыток.

Более того – применил один занятный прием: четким движением сложил девушку чуть ли не пополам и почти умял внутрь машины. Этот самый прием мы отрабатывали на практических занятиях по самообороне и нападению на первом курсе в разведшколе...

– Что вы хотите от этой девушки? – продолжала приста-

вать к мужику тетя Мила, демонстративно записывая номер его автомобиля себе в блокнот.

– Да что вы лезете не в свое дело? – заорал мужик во все горло, из последних сил удерживая вырывающуюся от него девицу. – Эта тварь у меня бумажник ukrала, ясно вам? Что, съели? Молчите теперь, да? Чем за всяких шлюх заступаться, лучше бы...

Что именно хотел посоветовать этот тип моей тетушке, осталось тайной, которая не разрешена до сих пор, – фраза осталась недосказанной.

Появление на улице новых персонажей мгновенно изменило ситуацию. Собственно, новыми они не были – из ресторана вывалила та самая компания, которая так по-хамски обошлась с официантом.

– Паш-ша! – орала Илона, повиснув у него на руке. – Солнце мое, ну куда тебя понесло! Зачем мы оттуда ушли, ты можешь объяснить?

– Не могу больше, – озверело замотал головой Паша. – Отстань от меня, а то и врезать могу!

– Ну Паша!.. – не унималась Илона. – Поедем кататься, раз тут отдохнуть не получилось! Мне грустно!

Последнюю фразу она проорала на пределе напряжения голосовых связок, оглашая своим ревом окрестности – пусть все знают, какое в данный момент настроение у Илоны. А чего стесняться?

Паша был мрачен и выглядел весьма зловеще. Красная

опухшая физиономия с ходящими под кожей желваками, сжатые добела кулаки – все это не предвещало ничего хорошего случайным прохожим.

Заметно покачиваясь, Паша направился в сторону стоянки вместе со своими друзьями. Илона продолжала орать что-то невразумительное, спотыкаясь при каждом шаге и теряя туфли на шпильках, что замедляло продвижение Паши в нашем направлении.

«В таком состоянии – и за руль! – думала я, глядя на налитые кровью мутные глаза Паши Головатова. – В лучшем случае – сами разобьются».

Но появление Головатова с компанией и их шествие от ресторана к стоянке произвело впечатление не только на меня – мужик мгновенно прекратил свои попытки запихнуть девушку в автомобиль. Более того – резко оттолкнул ее от себя и, быстро запрыгнув в кабину, немедленно умотал, разогнавшись почти с места.

Девушка от толчка упала на землю, тут же вскочила на ноги и, увидев приближающегося Головатова, окаменела. В ее глазах появился ужас, а рот приоткрылся в беззвучном крике. Это продолжалось от силы секунду – справившись со stupором, она юркнула в тень, и вскоре до нас донесся только быстрый топот ее удаляющихся шагов.

«Чем же так напугал их Головатов? – думала я, усаживаясь за руль – тетушка уже устроилась на заднем сиденье. – Неужели только своим видом? Да полно, мало ли таких по

городу бродит?»

Однако занятно: и мужик сбежал, и девушка. Они видели Головатова, он их, разумеется, нет. Я сомневаюсь, что он мог рассмотреть что-либо ближе чем в метре от себя, да и то изображение наверняка двоилось.

Резко затормозив на красный свет, так что взвизгнули покрышки, я остановилась под светофором, сосредоточенно глядя перед собой. Меня вдруг пронзила мысль – а ведь я уже сегодня видела лицо этой девушки! Сразу я этого не просекла – она была в поле моего зрения лишь тот короткий промежуток времени, когда стояла под фонарем, с ужасом глядя на приближающегося Головатова. А потом исчезла, растворившись в темноте.

Ну конечно же, – снова проверила я свои ощущения, медленно набирая скорость, чтобы не портить резину на следующем перекрестке, а проехать под зеленый, – именно эту дурнушку я видела сегодня возле кафе «Ромашка», она еще упала в обморок.

Маленький, однако, у нас город, если за один день – столько совпадений!

Интересно, что бы все это значило? Казалось, судьба подбрасывает мне загадку, которую предстоит разгадать. Теперь меня не оставляло азартное чувство, что вскоре моя траектория пересечется с орбитой людей, которых я встретила сегодня.

Как это говорили древние? «Будущее отбрасывает свою

ть». Что ж, посмотрим.

Я загадала: если за сегодня произойдет еще что-нибудь из той же оперы – мне наверняка светит встреча с Пашей Головатовым, Илоной, мужиком из «Рено» и некрасивой девушкой из кафе «Ромашка».

И судьба буквально через четверть часа поспешила меня уверить в правильности этой легкомысленной гипотезы. Да вдобавок напомнила, что я совсем позабыла еще об одном человеке и мой список неполон.

Когда мы подъехали к подъезду, то мне в глаза бросился небольшой фургончик с погашенными огнями, стоявший возле нашего дома.

Стоило нам с тетей Милой подняться к себе и зажечь свет, как в дверь тут же позвонили.

Удивившись такому позднему визиту, я пошла открывать, на всякий случай положив в карман халата маленький французский револьвер. Но воспользоваться им мне, слава богу, не пришлось.

На пороге стоял предельно усталый мужик с невыразимой грустью на лице.

– Распишитесь, – протянул он мне листок бумаги и шариковую авторучку.

Пока я читала, что там накорябано, он ждал, привалившись к косяку.

– Если бы не хорошие деньги, ни за что бы столько торчать не стали, – позволил он себе не очень почтительную к

клиенту фразу. – Рабочий день давным-давно закончился...

Он с кряхтением подтащил к двери огромную плетеную корзину с розами, выдавил из себя улыбку и, с облегчением вздохнув, стал спускаться.

– Кто там, Женечка? – раздался из ванной обеспокоенный голос тети Милы. – Если к тебе пришел клиент, то обождите, пожалуйста, секундочку в коридоре, пока я выскочу в свою комнату.

– Это не ко мне, – тихо ответила я. – Это к вам, тетушка...

Среди цветов на видном месте красовалась визитка, выполненная шелкографией. Тяжелые капли воды на лепестках бутона стекали на мерцающую голограмму, которой была выполнена фамилия человека, сделавшего моей тете такой царский подарок: Головатов.

Глава 2

Как показали следующие события, утро бывает не только мудренее вечера, но подчас и мудрёнее. Первая же половина этого дня началась для меня с сюрпризов и загадок.

Обычно я встаю рано, а нынешнее утро было исключением. Тетушка Мила, как правило, просыпалась часов в десять, спустя три, а то и четыре часа после моего пробуждения. У меня оставалось время на зарядку и, если повезет, пробежку в близлежащем парке. Потом я возвращалась и готовила нам завтрак.

Но сегодня, только-только я пробудилась, как из кухни слышались звуки, которых я не ожидала услышать в такой час.

У нас были гости. Звон блюдец и чашек, шум кипящего чайника, льющаяся в дулевский фаянс струя заварки.

Может быть, тетю Милу зашел поздравить кто-нибудь из ее знакомых? Вряд ли – сейчас от силы часов десять утра – да-да, вот как раз пропикало по радио.

Или этот загадочный гость из тех, кто следует принципам Винни-Пуха: «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро!»

Порядком заинтригованная, я быстро приняла душ и, накинув кимоно, поспешила на кухню. Только лишь я открыла дверь, как призраки вчерашнего дня снова ворвались в мою

жизнь.

– А, Женя! – обрадовалась моему появлению тетя Мила. – Как хорошо, что ты проснулась! Я как раз собиралась тебя будить!

Небольшого роста женщина, сидевшая ко мне спиной, медленно повернулась в мою сторону. Это была та самая посудомойка в синем халате, которую я видела возле кафе «Ромашка» после взрыва, – она транспортировала в хозяйственное помещение упавшую в обморок девушку.

– Я хочу тебя нанять, – сказала гостя, облизнув потрескавшиеся губы.

«Очень интересно! – подумала я. – Вот прямо так, с порога. Ни здрасте, ни доброго утра – сразу быка за рога, да еще на „ты“».

– Меня зовут Женя, – не торопясь проговорила я, присаживаясь к столу.

– У моей подруги беда, – продолжала визитерша. – Ее убить хотят.

– Может быть, вы сначала... – начала я фразу, но тетя меня опередила.

– Это Маша, – со значением посмотрела на меня Мила. – Мы давно знакомы.

Взгляд тетушки словно бы говорил мне: «Не обращай внимания на ее странности. Этому человеку можно доверять. Принимай ее такой, какая она есть».

– Так что, вы говорите, у вас произошло? – спросила я

чуть более дружелюбно, наливая себе кофе. – И почему ваша подруга не пришла сама?

– Я ее спрятала. Понимаешь, она боится к тебе идти. Она вообще всего боится.

Мое обращение на «вы» было проигнорировано. Маша продолжала со мной общаться так, словно мы еще лет десять назад пили на брудершафт.

Гостья лишь подкрепила мое впечатление, которое отпечаталось у меня в сознании, – сочетание кротости и силы плюс явно придурковатый вид: отвисшая губа, чуть приоткрытый рот, большие мутные глаза. Взгляд всегда слегка удивленный, как будто девушку то ли обманули, то ли обрадовали. Да, ничего странного, что она обращается ко всем на «ты» – и даже к моей тетушке.

Рассмотрев это загадочное существо поближе, я убедилась, что Маша гораздо моложе, чем мне показалось сначала, – ей было от силы пятнадцать-шестнадцать, хотя с ходу можно было дать лет двадцать, а то и больше.

– Ну хорошо, – мягко проговорила я. – А кто тебе про меня говорил?

– Я вчера тебя у ресторана видела вот с ней, – указательный палец Маши запросто ткнулся в тетино плечо, как будто Мила была неодушевленным предметом. – А кто у нее племянница – Аня знает.

– Угу, – я поняла, что мне придется самой задавать вопросы, если я хочу что-то выяснить. – А эта самая Аня откуда

меня знает?

– Какая ты непонятливая, – размеренно произнесла Маша, поглядев при этом на мою тетю. – Аня же бывала в этом доме вместе со своим папой. Да и меня тут хорошо знают, правда, Мила?

Тетушка одобрительно кивнула, подлила в пустую чашку Маше заварку и кипяток и пододвинула вазочку с печеньем.

– Угощайся, голубушка, а то что-то ты похудела за то время, пока мы не виделись.

Маша строго посмотрела на меня и спросила, указав пальцем вниз:

– Ты здесь полы моешь?

– Я. А что?

– Два раза в неделю стиральным порошком надо, чтоб блестели, – пояснила Маша.

– Уж она-то знает, – улыбнулась тетя Мила. – Опыт, голубушка!

– Я у Милы полы мыла, – медленно, словно произнося детскую считалку, проговорила Маша. – За пять рублей. А потом ты приехала.

– Вы так подрабатываете?

– Всем мою, кто хочет, – подтвердила Маша. – Меня папка с мамкой посылают.

Она отпила чай, громко при этом прихлебывая, и, вспомнив, о чем шла речь, заявила:

– Ты не бойся, Аня – она богатая, она тебе заплатит. У нее

папа – миллионер!

– Вот как?

– Точно, – заверила меня Маша. – Его, правда, убили вчера, но это ничего.

– Так вы говорите о Головатове, – уточнила я наконец. – Правильно?

Маша утвердительно кивнула. Ее брови чуть сдвинулись, а улыбка пропала. Было видно, что девушка относилась к своей миссии очень серьезно.

– Значит, Аня сама не пришла, а послала тебя? – продолжила я расспросы.

– Ну да. Боится она, я же говорю. Ее тоже вчера убить хотели, – запросто ответила Маша, как будто речь шла о чем-то обыденном.

– Ладно, – качнула я головой, уже понимая, что у Маши голова устроена немного по-другому и сама она объяснить толком ничего не сможет. – Тогда ты мне вот что скажи: если у Ани отец миллионер, то зачем же она посудомойкой в «Ромашке» работает?

– Разве? – удивилась моя тетушка. – Анечка Головатова моет посуду?

– Женя правильно говорит, – Маша солидно подтвердила мои слова.

– А ты откуда об этом знаешь? – обернулась ко мне тетушка.

– Секрет фирмы.

– Аня Головатова моет посуду в кафе «Ромашка», потому что это я ее туда устроила, – не без гордости проговорила Маша.

Блестящий ответ!

Это похоже на анекдот про путешественников на воздушном шаре. Они заблудились, сбились с курса и кричат идущему внизу человеку:

– Где мы находимся?

Человек смотрит вверх и очень точно отвечает на поставленный вопрос:

– Вы, дорогие господа, находитесь в корзине воздушного шара...

– Она же дите, жизни не знает, – уверенно говорила Маша, отпивая чай глоток за глотком. – Целый месяц у нас жила, как из дома убежала.

Мы переглянулись с тетей Милой: оказывается, дочки миллионеров конфликтуют со своими родителями не только в американских детективах.

Очевидно, проблема отцов и детей не зависит от степени обеспеченности их родителей, и чада – хоть из бедных семей, хоть из богатых – будут по-прежнему отстаивать свое право на самостоятельность, независимо от времени и места проживания.

– Ну и как же Ане у тебя жилось? – участливо спросила тетя Мила.

– А че? – пожала плечами Маша. – Нормально. Мамка с

папкой в запое целый месяц были, так что не мешали особенно. Это когда они трезвые, то начинают разговоры всякие про жизнь. Но это редко. А когда запой – то они не буйные, пьют и спят.

– И как же теперь у Ани будет складываться жизнь? – спросила я. – Отца ее вчера убили, верно ведь? А если ей грозит опасность, то ей нельзя продолжать работать на прежнем месте.

– А то! – немедленно согласилась со мной Маша. – Ну ничего, не пропадем. Найду работу и себе и Ане, прокормимся как-нибудь.

– А себе-то зачем?

– Так у нас после взрыва давешнего на учет закрылась администрация, – пояснила Маша. – Опять же – реконструкция. А нас – на улицу.

– Яснее ясного, – кивнула я. – Ну что же, с работой разобрались, хотя и не совсем. А где находится Аня? Что она сейчас делает?

– Я ж говорю – боится она, – твердила мне Маша. – Спрятала я ее.

– Место-то хоть надежное? – спросила я без особого энтузиазма.

– А как же! – гордо ответила Маша. – В погребе у меня сидит.

Я скривила губы. Мне не нравилась ни Маша, ни то, что она говорила, ни то, как она говорила, ни ее действия по от-

ношению к Ане.

– Творило кирпичами завалила, никто не найдет, – уверенно продолжала Маша.

– И долго она там сидит?

– Долго, – озабоченно отозвалась девушка. – А ей долго нельзя. Там сыро, а она больная. Вот я к тебе и пришла со своей бедой.

Я вздохнула.

– Знаешь что, Маша, – начала я, тщательно подбирая такие слова, чтобы девушка поняла, но не обиделась на мой отказ, – я...

Но тут вмешалась тетя.

– Женя, я очень прошу тебя помочь, – с мольбой в голосе проговорила тетя Мила. – Я помню Аню с малых лет, и то, что она сейчас в погребке... С этим надо как-то разобраться. Смерть Вани Головатова, теперь эта история со взрывом... Все это ужасно.

– Ну что ж, – обреченно вздохнула я, – тогда поехали. Где твой погреб?

Глава 3

Я надеялась, что Аня Головатова сможет объяснить мне ситуацию более внятно, нежели ее недоразвитая, но верная подруга.

Однако первую половину дня я продолжала оставаться в неизвестности.

Расспрашивать Машу – гиблое дело. Я еще раз смогла в этом убедиться, пока ехала с ней на машине к дому Шихиных – ее родителей.

– Так почему Аня убежала от отца? – допытывалась я. – Ее что – обижали?

Маша лишь пожимала плечами и говорила что-то невнятное насчет судьбы, и особо упирала на то, что жизнь у всех разная.

Очень информативно, ничего не скажешь. Я также не смогла из нее выжать и крупницы информации насчет Паши Головатова, которого видела в ресторане.

– Брательник у нее крутой, – с уважительной опаской поведала мне Маша. – Очень у них все непросто, оттого и ушла она навсегда.

Шихины жили на краю города в одноэтажной развалюхе с треснувшим каменным фасадом и дощатыми стенами. Дом замыкал собой уползавшую на гору улочку, справа пространство было словно обрезано оврагом, тянувшимся перпенди-

кулярно реке, слева – небольшим осиновым леском. Впереди возвышалась гора из песчаника, далеко позади едва виднелись городские девятиэтажки.

– А где же папка? – то растерянно, то встревоженно повторяла Маша, бродя по квартире и заглядывая во все углы. – Или пушнину собирает? Да нет, вроде он сегодня на собирался...

Впрочем, долго блуждать ей по жилплощади не пришлось – габариты были не те. Квартира Шихиных занимала от силы метров десять – убогая комнатуха с ветхой разохшейся мебелью да чуланчик.

Заглянув на всякий случай в кухню и проинспектировав туалет, Маша пожала плечами.

– И куда задевался? Пойду у мамки спрошу, – Маша решительно направилась к соседской двери и требовательно постучала.

Не дождавшись ответа, толкнула дверь, и некоторое время до меня доносились невнятные голоса и звук сдвигаемых стаканов.

– Говорят, вышел, – вернулась Маша. Заметив мой вопросительный взгляд, устремленный на неожиданно чистые полы при довольно сильной загаженности всего остального, Маша пояснила: – Снизу-то я убираю, а что на столах да шкафах – папка с мамкой трогать не позволяют. Заначки там у них, что ли, хранятся?..

Если заначки и были, то представляли собой авоськи с

майонезными баночками да предусмотрительно не выброшенные флаконы из-под тройного одеколona: когда припрет бодун – выцедить хоть пару капель из каждого; практика знакомая – так заядлые безденежные курильщики не выбрасывают докуренные «бычки».

– Что-то у меня на сердце неладно, – очень серьезно обратилась ко мне Маша. – Сдается мне, что батяня прознал про Аню и пошел в погреб. Что у него на уме – один бог ведает.

– Ну так пошли, показывай, – подстегнула я девушку. – Где твое хозяйство?

Сарай оказался рядом, метрах в пяти от дома – лепящиеся одно к одному деревянные стрoенница словно подпирали стены друг друга, оттягивая неминуемое падение сгнивших досок и продавленных крыш.

Дверь одного из сараев была приоткрыта. Вернее, просто отставлена к стене – доски были настолько расшатаны, что миниатюрный замочек (не больше, чем на почтовых ящиках) играл здесь роль скорее декоративную. Но вряд ли бы кому-нибудь пришло в голову взламывать такую развалюху.

Из сарая слышался какой-то неясный шум. Заглянув внутрь, я увидела плюгавенького мужика неопределенного возраста и на редкость хилого телосложения. Он сосредоточенно рылся в куче мусора и кирпичей, пытаясь разгрести завал. У него это не очень-то получалось, и он по большей части пыхтел и охал, нежели работал руками.

Завидев Машу, он немедленно бросил возню с громадным

куском штукатурки, который безуспешно пытался сдвинуть с места, и принялся орать:

– Стерва! Корова! Сука! – каждое из этих ругательств он выкрикивал писклявым голоском, беспомощно потрясая над головой крепко сжатыми кулачками. – Да как ты... Да я тебя... Да ты мне...

И дальше в том же духе. Видимо, отец и дочь хорошо понимали друг друга, если Шихин мог позволить себе изъясняться исключительно ругательствами, междометиями и малоосмысленными словосочетаниями.

Очевидно, его гневные выкрики можно было бы перевести следующим образом:

«Я крайне недоволен тем, что ты мне помешала. Особенно мне неприятно, что ты воспользовалась моим слабым физическим состоянием и предполагала, что я не смогу разгрести завалы, которые ты устроила на крышке погреба. Когда мне представится случай, я тебя накажу!»

Но Маша почти не отреагировала на оскорбления и невнятные порицания.

Девушка лишь внимательно посмотрела на отца, желая определить степень его опьянения на данный момент, тяжело вздохнув, отстранила Шихина, словно он был неодушевленным предметом, и принялась доделывать работу, которая оказалась не по силам ее отцу.

Маша раскидала завал в считанные минуты. Глядя, как она управляется с тяжелыми балками и кирпичами, я еще

раз смогла убедиться в недюжинной физической силе младшей Шихиной. Это в соединении с ярко выраженным инфантилизмом – если не сказать больше, умственной отсталостью – создавало довольно трогательное впечатление. Наверняка Маша была преданной подругой, хотя и воспринимала жизнь через призму своего искаженного сознания.

Откатив последнюю бочку, Маша отряхнула руки, вытерла их о какую-то тряпку, висевшую на гвозде, и решительно заявила, обращаясь к отцу:

– Аня уходит.

– Ду-ура! – взвыл Шихин, подскакивая к дочери. – Мне ж за нее двадцать долларов предлагали, а ты за бесплатно отдаешь?

Маша никак не среагировала на цену, назначенную за ее подругу в твердой валюте.

Она уже приоткрыла крышку погреба, собираясь спуститься внутрь, но я ее остановила:

– Разрешите мне.

Маша отступила в сторону, и я спустилась вниз по шаткой лестнице.

Погреб был не очень глубоким, но достаточно просторным. В дальнем конце ямы что-то смутно белело – за трухлявой бочкой с полусгнившей капустой, возле сваленных в кучу пластиковых бутылок. Я стала продвигаться поближе, стараясь ступать очень осторожно – на полу попадалось битое стекло.

Смутная белизна оказалась женским платьем. Еще два шага – и я уже могла разглядеть забившуюся в угол хрупкую фигурку.

Девушка сидела на корточках, опустив голову в колени и обхватив ее руками. Острые локти торчали в стороны, словно человек, которому не удалось спрятаться, пытался по-звериному ощетиниться.

Я подошла поближе и чуть тронула Аню за плечо. Та вздрогнула как от удара током и, не поднимаясь, замотала головой из стороны в сторону.

– Пойдем, – тихо сказала я. – Тебе не надо тут больше прятаться.

– Я никуда не пойду, – через силу произнесла Аня, так глухо, как будто сама зажимала себе рот ладонью. – Оставьте меня в покое.

– Нет, – твердо сказала я. – Покой сейчас для тебя – это смерть.

Тут Аня вскинула голову. Она смотрела мне прямо в глаза, и ее губы тряслись.

– Смерть? Как вы легко произносите это слово... Что вы вообще знаете о смерти!

– Гораздо больше, чем ты думаешь, – спокойно ответила я. – Но давай сверим наши впечатления по этому поводу чуть позже. Сейчас тебе действительно нужно уходить отсюда, и как можно скорее. Меня можешь не бояться – я друг. Спроси об этом у Маши.

Это имя подействовало мгновенно – как магическое заклинание. Аня неуверенно поднялась на ноги и растерянно посмотрела на меня.

– Пойдем, – взяла я ее за руку и повела к лестнице по проходу между ящиков.

Аня покорно шла за мной, с трудом переставляя ноги, ее рука была вялой и влажной.

Когда мы выбрались наверх, папаша Шихин попытался взять реванш. Он понял, что Аня в таком состоянии не способна сопротивляться, и рискнул снова заявить свои права на обительницу его погребца.

– Тут ей быть! – топнул он ногой. – Ты кто вообще, девка?!

Этот вопрос был обращен ко мне. Я не удостоила Шихина ответом, да он и не особо настаивал – стоило мне только внимательно посмотреть на него, как пьянчужка сразу же отступил, спрятавшись за спину своей дочери. Но Маша, разумеется, не оказала ему поддержки.

Мы вышли за ворота – я вместе с узницей и Маша. Аня, которую я вела под руку – девушка явно чувствовала себя плохо, – слегка пошатывалась и дышала с хрипом. Пребывание в погребе, даже непродолжительное, резко отрицательно сказалось на ее здоровье.

«Повезу ее к себе для начала, – решила я, – а там разберемся».

Впрочем, один вопрос все же стоило разрешить немедленно, что я и сделала:

– Значит, так, – проговорила я, когда мы подошли к моему автомобилю, – кто из вас меня нанимает? Давайте уточним позиции, чтобы мне было легче работать дальше. Ты, Маша, сказала, что хочешь меня нанять, верно? Но, я полагаю, заплатить ты не сможешь.

Маша уверенно кивнула.

– Тогда что же у нас получается? – продолжала я. – Задаром я не работаю, прошу учесть. Справедливость – справедливостью, но у всех свои проблемы, верно? Итак, я жду ответа.

– М-можете считать, что вас наняла я, – едва разжимая губы, проговорила Аня. – О деньгах не беспокойтесь, у меня все есть...

Девушку била мелкая дрожь. Она подняла голову, попробовала улыбнуться и попросила:

– Довезите меня до аптеки. Мне надо купить лекарства, которые я обычно принимаю. Пожалуйста, давайте обсудим все потом. Сначала аптека, а затем, – при этих словах Аня мечтательно зажмурилась, – если можно, я хотела бы принять горячую ванну.

– Без проблем, – откликнулась я, усаживаясь за руль. – Маша, ты едешь?

Шихина отрицательно покачала головой и, кивнув на оставшийся за нашими спинами дом, виновато пожала плечами. Ей предстояло еще разбираться с кипевшим безысходным гневом папашей-алкоголиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.